

A close-up, high-contrast photograph of a wolf's face. The wolf's eyes are dark and intense, looking directly at the viewer. The fur is thick and textured, with a mix of dark brown and lighter tan tones. The lighting is dramatic, highlighting the bridge of the nose and the texture of the fur, while the rest of the face and the background are in deep shadow.

Шевченко А.П.

Волчий бег

Часть I

Александр Шевченко

Волчий бег. Часть 1

«Издательские решения»

Шевченко А. П.

Волчий бег. Часть 1 / А. П. Шевченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965236-2

Возможно, будет нелегко понять, Как это там в безликом захолустье Живет
поэт и может сочинять, И что однажды в свою жизнь вас впустит.

ISBN 978-5-44-965236-2

© Шевченко А. П.
© Издательские решения

Содержание

Летучий голландец	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Волчий бег

Часть 1

Александр Павлович Шевченко

© Александр Павлович Шевченко, 2019

ISBN 978-5-4496-5236-2 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-5237-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не хочется ни думать, ни гадать,
ведь юность вся давным-давно пропета,
но разрешите всё же вам подать
стихи, увы, заблудшего поэта.

Вы в них прочтёте бред больной души,
найдёте там судьбы суровой клочья
и злую плесень лагерной глуши,
и вольный бег блатного многоточья...

***

Величьем болен современный люд,
козявка даже лезет в идеалы.
И красотой хвалится верблюд.
О благородстве говорят шакалы.

Слова. Слова. На деле – пустота,
и мерзкая ничтожность с алчным взглядом.
Перемешала все тут суета
и подлость с честью посадила рядом.

О правде речи и не может быть,
а истиной уже давно не пахнет,
о них, видать, придется позабыть,
иначе жизнь об угол так шарахнет,

что плоть в момент расстанется с душой,
заляпанной и вымыслом, и грязью.
Что толку в том, что мир такой большой,
коль соткан он одной лишь лживой вязью.

В почете ложь, и ей – салют! Салют!
Какие мы пижоны, либералы...
О всем забыв, величьем болен люд,
а там козявка лезет в идеалы.

***

Смейся вечер своей непогодой
и танцуй отшумевшей листвой
моим чувствам печальным в угоду,
я сегодня нечаянно твой.
Так побродим вдвоём по просторам,
породнённых с разлуками грёз,
окунёмся, поддавшись укорам,
в нежность русских далёких берёз
хоть в мечтах, хоть в мечтах, а иначе
не смогу больше верить и жить.

Ничего, дорогой, я не плачу,
просто, хочется душу вложить
в эти осени полные строки,
в эту сердца бродяжьего боль.

Как жестоки неволи уроки!
Как горька подневольная соль.

***

Утро осеннее, утро несмелое,
ветер листву за окошком метёт.
Я не спешу, мну тебя юно-спелую,
Осень, она никуда не уйдёт.

Ты ещё встретишь и слякоть, и осень
так что, родная, давай не спешить.
Пей мою нежность, мои «сорок восемь»
да и всю жизнь, что успел я прожить.

Хочется лаской твоей, дорогая,
мне захлебнуться и в ней утонуть,
чтобы меня не украла другая,
чтобы с другою не смог я уснуть.

Сердца такого нет больше на свете,
не потеряй его, не охлади.
Утро стучится в окошко, и ветер
гонит меня, – Уходи, уходи...

***

Тоска безжалостная гложет
меня своим беззубым ртом,
лишь измываться она может
над телом грешным, что ж потом?

Потом пойду я в гости к смерти,
там ждут меня в аду смеясь
святые в прошлом – ныне черти,
и я бегу к ним, не боясь.

Они хохочут от восторга,
Что к ним всё ближе с каждым днем
я становлюсь, и стены морга
уж встали на пути моём.

Не избежать мне хирургии
в холодном доме мертвецов,
таков финал у ностальгии
для всех беспечных беглецов.

А я – беглец на злой планете,
бегу от счастья, добрых слов,
здесь жизнь грязна и на монете
стоит вся правда дураков.

***

Одиночество. Вечер холодный,
да тоски колючий бурьян.
За окном хохот ветра голодный,
страшно мне, я поэтому пьян.

Что ещё остаётся здесь делать,
чем унять наболевшую грусть,
как, скажите, себя переделать,
как облегчить свой жизненный груз.

Не вернуться мне в юность шальную,
не испить ее радости хмель
и не вылечить душу больную,
ведь я в жизни давно сел на мель.

Так, давай, одиночество, выпьем,
помоги одинокому мне,
и закусим мы хвостиком рыбьим
и поплачем при пьяной луне.

***

Садись поближе, дай себя потрогать,
не бойся, смуглая, я тоже человек.
Так поскорее спрячь подальше строгость,
взгляни нежней из-под припухших век.

Ты хороша собою, и я тоже,
ты – роза осени, и я её листок.
Давай же нашу красоту помножим,
Помножим Русь на сказочный Восток.

Перечеркнём былые предрассудки,
пора понять, что сердцу нет преград.
Часы бегут, и убегают сутки,
и всё пустеет этот тихий сад.

И мы встаём, уходим по аллее
навстречу ласковой большой любви...
Прошли года, я одинок, болею,
лишь прошлое кипит в моей крови.

***

Смотрю на звезд холодное мерцанье,
не в состоянья дрожь свою унять.
Вдруг призрачное нежное создание
мой разум начинает заполнять.

Иль видел я, иль это грезы детства,
но вот приходишь ты ко мне опять
сквозь миры звезд из вечного естества,
ну, объясни ж мне, как тебя понять.

Уверен, знаю, что ты неземная,
и путь твой слишком долог до меня.
Зачем же дразнишь, вечностью играя,
в пучине звезд холодного огня.

Ну, вот и все, пора нам распрощаться,
плыви в свои далекие края,
а мне придется на земле остаться
и умереть здесь, страха не тая.

***

Летучий голландец

Средь бешеной бури стихии морской,
где дьявола смех слышен близко,
несется корабль с молвою людской
жестоким возмездием риска.

В своем одиночестве злая судьба
окутана мраком бессмертья.
И тонет в пучине о смерти мольба
морского бродяги, поверьте.

Он хочет погибнуть, нарвавшись на риф,
он ищет могилу уж вечность.
Но им, же рожденный о призраке миф
Уносит его в бесконечность.

И мчится несчастьем безумия бриг
навстречу терпящим крушенью.
– Летучий голландец! – испуганный крик...
И нет ему больше прощенья.

Обломки оснастки, последний взмах рук
проклятьем немым остаются.
И вновь замыкается замкнутый круг,
лишь волны о чем-то смеются.

А грозный бродяга спешит и спешит,
ведь новая жертва торопит...
Его самого эта доля страшит,
и с горя он топит и топит.

***

Кем был ты, предок мой,
как кончил ты свой путь,
кому в тени земной
оставил, – Не забудь ...?

Кто плакал по судьбе,
когда твой труп зарыл,
– Прощай, – сказал тебе
и в мыслях сохранил?

Зачем ты жил, ответь?
Не можешь, ну молчи.
А мысль моя, как плеть,

– Умолкни, не кричи —

***

Играй, играй, гармонь, мне «Отходную»,
ведь на душе так скверно и темно.
Любил ли я когда-то жизнь блатную
иль не любил – теперь уж все равно.
А жил я буйно, словно дикий ветер,
безумствовал, влюблялся, воровал.
Но вот, увы, сегодня на рассвете
я ощутил, что близок мой привал.

Я так устал, и скомканные годы
тяжелым грузом придавили грудь,
как – будто бы все прошлые невзгоды
решили в миг меня сломать, согнуть.
Но не обидно и не сожалею,
что я один сейчас сижу и пью
и что вот так, возможно, околею
и недопетую судьбу не допою.

***

Вот и снова счастье улетело,
словно ветром сорванный листок.
Видно, зря весной ты хотела
заменить осенний холодок.

Ты любила – верю, верю, верю.
Может быть, не стоило любить
человека, родственного зверю
и, как зверь, способного убить.

Прочитай, родная, эту небыль
про скитанья серого волка,
для кого сейчас закрыто небо
тяжестью сырого потолка.

Он родился миленьким мальчонкой
среди российских ласковых лесов,
годы же учили быть волчонком,
презирать укусы гончих псов.

А, быть может, надо по порядку
рассказать про свой нелёгкий путь,
как порой бежал он без оглядки
из тех мест, где выпало стянуть...

И как часто там он попадался,
находя на много лет привал...
Как же он жестоко ошибался:
не богатство – годы воровал,

Ну, а в той израненной стихии
Он любил лишь осень, слякоть, грусть.
И те дни дождливые, плохие
выучены мною наизусть.

***

На, пей вино и смейся звонким смехом
развесели собою беглеца,
любимая, запомним ночку грехом,
грехом Амура – божьего птенца.

Нырнём в тот омут, где разврат бушует,
сольём в едино нежность, ласку, страсть.
Настанет день, всё это заглушает
зельем забот, он хоть на что горазд.

А пока ночь, и полумрак в квартире,
что ещё надо вот таким, как мы,
искавшим, не нашедшим места в мире
среди людской весёлой кутерьмы.

Что загрустила, думы брось под койку,
куда швырнула ты свой пенюар...
Вот так бы каждый раз кончать попойку,
вот так всегда бы заливать угар.

***

Бой гладиаторов – веселье
для Рима древнего всегда,
богатое в шелках безделье
приходит пировать сюда.

Толпа безжалостная, злая
шумит, там бой внизу идет.
Вот раб лежит и, умирая,
в крови открыто смерти ждет.

Пощада не нужна, ведь, гордый,
и сам так часто убивал
друзей своих рукою твердой
и всех в тот миг он презирал.

Теперь же мертв, хоть ещё дышит,
над ним стоит такой же раб
и так же горд, мольбы не слышит,
прекрасен сам собой, не слаб.

Он победил, ему свободу
подарят, может быть и нет,
с улыбкой смотрит, ведь отроду
привычный видеть смерти бред.

И Рим шумит, доволен боем,
а дню подходит уж конец.
Судьба рабов уводит строем
со смертью рядом под венец.

***

А ну-ка глянь в глаза мне... Боже мой!
Неужто это ты? Какая жалость...
Не только мне, но и тебе самой,
я вижу, ничего уж не осталось.

Ты вся поблекла, как экран в кино,
засвеченный вдруг посторонним светом.
Тебя любил я, но любил давно,
да и причина, собственно не в этом.

Мне не нужна ты, просто не нужна,
иди к тому, кому быть верной клялась,
кому сказать останешься должна,
как только что в моих ногах валялась.

Он бы простил, ведь он прилежный муж,
каких так много тут и там, и где-то...
Взгляд твой печальный синегрязных луж
не в силах уж забрызгать грудь поэта.

***

Однажды в детстве мне приснился сон:
иду по лесу ночью, мрак вокруг.
Вдруг сзади, тихий был вначале стон,
услышал я, – Меня послушай, друг —

Я обернулся, ноги онемели.
Старик стоял, достоинство храня,
он говорил, глаза его горели,
весь мир ночной собою заслоня.

И те слова запомнились, советом
хотел облегчить он судьбу мою,
– Не будь, сынок, нечестным в мире этом,
иначе проклянешь ты жизнь свою.

Сказал ещё, – Зло скоро повстречаешь,
соблазн насилия и подлости силен,
осилишь их – то счастье ты узнаешь
и будешь до безумья в жизнь влюблен. —

Затем исчез, лишь стон опять раздался.
Лес посветлел, и я лег на траву,
проснулся на траве и испугался...
Не сон то был, старик был наяву!

***

Вселенная! Как много в ней планет.
Земля моя – преграда для комет.
Ночами, долго не смыкая глаз,
планеты, часто думаю о вас.

Средь вас, скажу я громко, не тая,
прекрасней всех красавица Земля,
она – маяк в космическом пространстве,
сияет нежно в голубом убранстве.

Наверняка в безмолвии вселенной
сестра Земли есть, в своей жизни бранной
я был бы счастлив там однажды очутиться,
сказать, – Привет! – ей и на Землю возвратиться.

***

Вам, конечно, совсем невдомёк,
как такой оборванец заблудший
восхитить благородством вас смог,
ведь вокруг есть намного лучше.

Но случается в жизни порой
расцветает колючий столетник.
Возмутится своей мишурой
старый мир – этот бабник и сплетник,

– Как посмел? Разрешение где?
Запретить бесшабашную смелость. —
Ну, а лист на осенней воде
нарисует мою неумелость.

Лишь бы честность, добро и любовь
протянули с надеждой мне руки.
Остальное здесь встретится, вновь,
остальное приветствует муки.

Вам спасибо за робкий шажок,
за хрустальное ваше признание.
Если б только я юность не сжёг...
Если б только не смерти касанье...

***

Пишу я вам, конечно, просто так,
и потому читайте без смущенья
про то, как жил и мучился чудак,
прося у бога для души прощенья.

Ведь грешен он и вами и собой,
и страстью ночек с пьяным наслаждением,
и взглядом синим, и самой судьбой,
и даже, верьте мне, своим рождением.

А так на вид, по-моему, как все,
и на лице оттенок благородства
с печатью грусти о былой красе,
потерянной в угаре сумасбродства.

Сижу сейчас и вспоминаю вас,
топя в вине воспоминанья эти,
под тихий, кем-то выдуманный, вальс,
быть может, о Ромео и Джульетте.

И возвращаюсь в мыслях я туда,
где был мальчишкой, ну а вы девчонкой.
Я нужен вам, как пятая нога
избалованной нежной собачонке.

А ведь тогда вы (бог свидетель вам)
клялись любить меня до самой смерти.
Цвели цветы и юность пела нам,
и я любил одну лишь вас, поверьте.

Но кто-то где-то, не спросив меня,
В книжонке судеб сделал длинный прочерк
Я замерзал от мертвого огня
луны, глядевшей в чрево одиночек...

А годы, словно горная вода,
неслись туда, куда им надо было.

Я возвращался к жизни иногда,
но сердце с каждым разом стыло, стыло.

И вы ушли, как водится, с другим
навстречу радости или печали.
Под Мендельсона марш иль может гимн
вас очень чинно в загсе обвенчали.

Что ж, раз природа требует свое,
то мы, увы, должны ей подчиняться.
Со мной осталось бедствие мое
и я побрел с ним по свету слоняться.

Случалось быть любимым у других,
красивых телом, но беспечных женщин.
Случалось быть совсем вдали от них
и ощущать себя букашки меньше.

Но честь и гордость я всегда хранил
надежней жизни и шального тела
и к вам любовь давно похоронил,
сама судьба такое захотела.

А вот сегодня вспоминаю вас
и куролесю, пьяный, строки эти
под тихий, кем-то выдуманный, вальс,
быть может, о Ромео и Джульетте.

***

Отсмеялась, отпрыгала, смылась
бесшабашная юность моя.
Под осеннюю грязь и унылость
вспоминаю родные края.

Вспоминаю чудесную лунность,
и взгляд девушки милой в ночи...
Эх, грозой отшумевшая юность,
не терзай сердце мне, помолчи.

Ты уже не моя и не вправе
целовать грудь бродяги тайком.
В своей звонкой беспечной оправе
улетай, голубым мотыльком.

Для других проплыви серенадой
очень добрых весёлых надежд.
Возвращаться не надо, не надо
в эти кельи зверей и невежд,

где твой друг от тебя вдруг отрёкся,
чтоб случайно тебя не сгубить.
Ну, а сам он, увы, не сберётся,
и его удалось злу разбить.

***

Мрачно, тоскливо и грустно,
пасмурный день на дворе.
Тяжесть на сердце, и пусто,
пусто в душе, как в дыре.

Вот бы быстрее умчаться
из надоевшей среды,
к милой в окно постучаться,
свежей напиться воды.

Как надоели скитанья,
как опостыл дикий край.
Юность моя, до свиданья
или вернее – прощай.

Жизнь улыбнись на минутку,
дай отдохнуть беглецу.
Понял твою злую шутку,
слёзы бегут по лицу.

Что ж, видно горем я создан,
грудью печали вскормлён.
Поздно менять всё, ох, поздно,
сил нет, судьбой утомлён.

Здесь ничего не оставлю,
кроме тоскливых стихов.
Скоро крест в жизни поставлю,
жаль, что я жил среди волков.

***

Щенок, скуля, бредёт по грязным лужам
из никуда и, в общем, в никуда.
Такой несчастный и такой ненужный,
он был отвергнут кем-то навсегда.

А ведь когда-то оценилась сука,
с надеждой глядя на приют людей.
Но человечьи сухость, злость и скука
бедой тяжёлой пронесли над ней.

Её бока погладили пинками,
щенков за шкирку, да и за забор.
И боль щенячьёю облизали камни
всему живому взрослому в укор.

И не заметил ни один прохожий
чужого горя со своих вершин.
Лишь только дождь на ласку непохожий
их обойти себе не разрешил.

Живым комочкам он помог подняться
и разбрестись в грязи кому – куда...
За добротой любим мы гоняться,
даря её почти – что никогда.

***

Узнал о вас я как-то, между прочим,
пусть не в обиду это будет вам.
Хочу лишь только очень, очень, очень,
чтоб вы сейчас поверили словам...

Любовь? Нет, нет. А может быть? Бог знает...
Нам жизнь ответит честно, но потом.
А за окном как будто бы светает,
но написать хочу я не о том.

Воздушный мост нежданно я построил
и подарил вам часть своей души.
Лишь у молвы наш мир так зло устроен,
что все мы в нем мальчиши – плохиши.

Однако есть и здесь совсем другие,
и я в числе таких совсем других.
Мне ближе сердца чувства дорогие,
чем звон и блеск вещичек дорогих.

Но я давно погряз в блатных пороках
и дружбу вам не вправе предложить.
Я в детстве был беспечным на уроках,
и взрослым став, не смог нормально жить.

Меня всегда тянуло в приключенье,
где потеряешь больше, чем найдешь.
Жизнь подносила чаще заключение...
и теплоту казенных нар, одёж.

Возможно, время вскоре залатает

прорехи в жизни лаской ваших глаз...
Но ночь прошла и тает, тает, тает
воздушный мост, построенный для вас.

***

Посмотрите в окошко, родные,
сквозь решётку купе своего,
ночь проносится, как вороные
кони юности моего.

Мне не спиться, а мир отдыхает,
он устал от бесцельных хлопот.
Лишь судьба моя тихо вздыхает,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.